

Глава 14 Горный бог

Была ночь.

Из-под старой деревянной кровати доносилось шуршание и время от времени раздавался пронзительный для уха звук "скрип".

Миссис Ванг опустила свое тело и закатала рукава своей изорванной одежды, что еще больше обнажило заброшенную форму ее тела.

"Вперед! Вперед!" С редким веником в руке она шлепала мышей под кроватью.

"Писк!"

Выгнав наконец мышь из дома, миссис Ванг вздохнула с облегчением и положила метлу, но вдруг откуда-то почувствовала запах гари.

Она слегка нахмурилась. На ее лице появилось еще несколько морщин, когда она в тревоге сказала: "Я была так сосредоточена на этом, что забыла про рис!".

Она поспешно шагнула в дом, не обращая внимания на простреленную руку, пока поднимала горячую крышку железной кастрюли.

В маленьком углу деревянного дома рядом с низкой печкой стояли бутылки с солью и соленьями, а от стоящего на ней железного горшка исходил запах гари.

Госпожа Ван взяла тряпку и обмотала ею руку, спустила железный горшок с плиты и только после этого успела подуть на покрасневшие пальцы, пытаясь успокоить боль.

Она налила большую миску рисовой каши, и когда она увидела, что только небольшая часть риса на дне кастрюли подгорела, ее брови слегка расслабились.

"Мама, я вернулся!" В деревянный дом вошел мальчик лет восьми-девяти со счастливым лицом, держа в руке небольшой кусок сырого мяса, перевязанный веревкой.

"Сегодня дядя Чжан и другие пошли на охоту, и я им помогал. Мы поймали одного оленя, и я получил небольшой кусок его мяса!"

Госпожа Ван с жалостью посмотрела на мальчика, поставила большую миску с рисом в руках на деревянный стол и улыбнулась. "Ты устал после того, как последовал за ними на охоту? Ты не поранился? Хотя дядя Чжан заботится о тебе, ты все равно должен быть очень осторожен. Съешь эту миску риса, ты теперь в возрасте, так что ешь больше".

Глаза мальчика были острыми. Он с первого взгляда заметил красные пальцы госпожи Ван и сразу же немного встревожился. "Мама, что с твоей рукой?"

Госпожа Ван покачала головой и ответила: "Просто немного ошпарилась, все в порядке. Поскорее ешь, ешь больше риса, чтобы стать сильнее".

Большая миска была почти сплошным супом, только шесть или семь овощных листьев висели на ней. Овощные листья были роскошно перемешаны с двумя кусками жирного и тонкого мяса. Мальчик почувствовал запах мяса, и у него чуть не потекли слюнки.

Как раз в тот момент, когда он взял большую миску и уже собирался ее съесть, мальчик,

казалось, о чем-то задумался. Он моргнул и сказал: "Мама, съешь эти два куска мяса, я не буду его есть".

Пока она соскребала пасту со дна кастрюли и перекладывала ее в свою миску, госпожа Ван покачала головой и улыбнулась. "Я только что съела немного. Я съела несколько кусочков мяса, остальное немного кашеобразное, но я обойдусь и этим. Я хочу съесть больше, но это будет пустая трата времени".

Мальчик посмотрел на госпожу Ван, опустил голову, поднял миску и молча принялся за еду.

Госпожа Ван была трудолюбивой и несчастной сиротой. После того как она родила мальчика Сяо Фу, ее муж погиб в горах во время охоты.

В маленькой деревне на углу горы Цинлуань отсутствие мужчины означало отсутствие источника пищи. Ведь эта небольшая территория была бесплодной и неплодородной, и на ней ничего нельзя было вырастить. Источником пищи для всей деревни была только небольшая гора на окраине деревни, где водились обычные звери.

Странно сказать, но вокруг горного массива Цинлуань было много гор. Эта небольшая вершина на краю была охотничьим угодьем деревни в течение многих лет, и там водились все виды зверей. Однако их количество не уменьшалось, а наоборот, они появлялись все чаще и чаще. Люди считали, что это благословение Горного Бога. Эта маленькая гора была безымянной, поэтому в каждом доме в деревне была статуя Горного Бога, которую называли "Безымянный Горный Бог", и ее очень почитали и молились ей.

Занимаясь стиркой белья в чужих домах и работая прислугой в более богатых семьях, госпожа Ван сумела вырастить Сяо Фу до девяти лет. Хотя ей еще не было сорока лет, из-за тяжелой работы всю молодость она выглядела как старуха.

Сяо Фу тоже был благоразумен. С детства он знал, как помочь своей трудолюбивой матери разделить работу по дому. Когда он немного подрос, то очень хотел пойти с деревенской командой охотников в горы на охоту.

Госпожа Ван не могла пойти, поэтому она могла только попросить старшего брата Чжана, живущего по соседству, позаботиться о нем. Сяо Фу тоже был очень хорош в этом деле, и он был очень разборчив. Каждый раз, когда он выходил, он был самым прилежным, и все в деревне его хвалили.

Поэтому, хотя Сяо Фу было всего девять лет, он мог время от времени приносить кусок или два мяса животных, чтобы улучшить их еду.

После того как он закончил трапезу, на дне миски остался кусок мяса чуть побольше, и он воскликнул: "Мама, я сыт".

Госпожа Ван посмотрела на кусок мяса на дне миски, слегка покачала головой и с улыбкой сказала: "Хорошо".

Она молча убрала посуду и палочки, а оставшийся кусок мяса положила в старый шкаф. Затем она пробормотала: "Пришло время поклониться статуе Горного Бога".

Закончив уборку, госпожа Ван взяла Сяо Фу, опустилась на колени перед статуей Горного Бога и несколько раз почтительно поклонилась.

Сяо Фу, как обычно, после поклона поднял голову и подсознательно взглянул на темно-черную статую Бога Горы.

Статуя горного бога была сделана всеми в деревне давным-давно. Она была вырезана из черного дерева и просто раскрашена.

Сяо Фу вдруг почувствовал яростную дрожь в сердце, его кожа онемела, и чрезвычайно пугающее чувство нахлынуло на него, как прилив, но это чувство быстро прошло.

Он внимательно осмотрел статую Бога Безымянной Горы, которой поклонялся каждый день, и не обнаружил ничего необычного. Сяо Фу не мог не чувствовать себя немного ошеломленным.

"Сяо Фу? Что случилось?" Морщинистое лицо госпожи Ван было полно беспокойства.

Сяо Фу почувствовал боль в сердце: его матери еще не было сорока лет!

Она ела только два раза в день, и только несколько зеленых овощей, которые были дикими овощами, и все же ей приходилось делать так много работы. Она стареет слишком быстро".

При этой мысли он не удержался и сказал: "Мама, я хочу поскорее вырасти. Чтобы я мог сам охотиться и делать для тебя одежду из шкур животных, а ты могла есть мясо каждый день! Я должен покинуть деревню и отправиться в древний город Тайчу, о котором ходят слухи, чтобы построить дом, и взять с собой маму, чтобы она наслаждалась жизнью!"

Горные дороги здесь были чрезвычайно коварны. Для этой маленькой и изолированной деревни великолепный древний город Тайчу, который находился всего в нескольких сотнях километров, был так же далек, как и легенды.

Нежно погладив Сяо Фу по голове, госпожа Ван только улыбнулась, но мысленно пробормотала: "Сяо Фу, когда ты вырастешь, твоя мать будет слишком стара".

Ближе к полуночи в деревне стало странно тихо.

Изредка раздавалось несколько собачьих лаев, нарушая спокойствие.

Когда Сяо Фу находился в состоянии полусна и полубодствования, его глаза были влажными, а сердце неосознанно болело.

Встряхнув головой, он сел, вытер уголки глаз, огляделся вокруг при свете луны и с сомнением спросил себя: "Где мать?".

Деревянный дом был невелик, в нем стояла лишь ветхая деревянная кровать, на которой едва могли уместиться два человека.

Ночь поздней осени была пронизывающей до костей, и госпожа Ван всегда позволяла Сяо Фу спать во внутренней части кровати. А она спала на внешней, чтобы ему было немного теплее.

Сяо Фу смотрел на почти пропитанную слезами подушку и не мог не задаваться вопросом: "Почему я пролил так много слез во сне? Мама, где ты?"

Надев поношенное ватное пальто, он открыл деревянную дверь, и холодный сквозняк пронесся по комнате, как поток ледяной воды.

Сяо Фу сильно вздрогнул, но вместо того, чтобы закрыть дверь, он высунул голову и

прошептал: "Мама?".

Куда может пойти моя мать посреди ночи? Даже если она пошла в туалет, прошло столько времени, разве она не должна была вернуться?

Стоя в оцепенении у двери, свистел пронизывающий до костей холодный ветер, заставляя Сяо Фу дрожать, но его беспокойство не уменьшалось, а наоборот, становилось еще более тревожным.

Рожденный в бедной семье, девятилетний мальчик был очень развит и проницателен.

Внезапно заметив взгляд, направленный на него сзади, Сяо Фу резко повернул голову. Но он увидел лишь старую деревянную кровать между четырьмя стенами дома, железный горшок и шкаф в углу.

На краю сломанной деревянной кровати лежала пара матерчатых туфель, которые были сшиты более чем наполовину. Швы были плотно набиты и очень крепкие. Это были два толстых куса ткани и подошвы, которые госпожа Ван долгое время копила, чтобы сшить зимнюю обувь для Сяо Фу.

Его интуиция уловила, что взгляд становится все более пристальным с каждой минутой.

Кожа головы Сяо Фу взорвалась от осторожности, он почувствовал онемение, но не мог найти источник пристального взгляда.

Он снова осмотрел деревянный дом, простая обстановка осталась такой же, как обычно, только статуя Горного Бога...

Подождите! Статуя "Безымянного Горного Бога"!

На черном лице статуи, казалось, ожили два красно-зеленых глаза, и они яростно смотрели на него с негодованием!

"Что!"

Душа Сяо Фу затрепетала, а желание облегчить мочевой пузырь нахлынуло на него. Не обращая внимания на холод посреди ночи, он бросился за дверь!

Сцена показалась ему смутно знакомой, даже в этом трансе.

Разве я не выбежал из двери на улицу в деревне? Почему я вернулся в дом?

В конце концов, Сяо Фу было всего девять лет. Каким бы разумным он ни был, после испуга его рассудок начал разрушаться.

В оцепенении он стоял на месте, но продолжал безучастно смотреть на отвратительный облик Безымянного Горного Бога.

Внезапно большой рот статуи Горного Бога открылся в извращенном виде.

Птуй.

Она выплюнула груды белоснежных костей.

Сяо Фу смотрел на груды костей, его глаза оставались пустыми, пока он не заметил щель в одной из рук скелета: Левый мизинец его матери, на котором не хватало маленького кусочка кости.

Именно этот мизинец был случайно сломан, когда она стирала одежду в доме деревенского старосты годом ранее, оставив старую рану.

В его глаза вернулось здравомыслие, и душераздирающий крик раздался в безмолвном ночном небе.

"Мама!"

Через некоторое время шум в деревянном доме прекратился - внезапно.

Через несколько мгновений из деревянного дома постепенно донесся звук жевания, который был чрезвычайно ужасающим.

Странно, но вся деревня превратилась в мертвую деревню, и тяжелая тишина повисла в темном лесу.

<http://tl.rulate.ru/book/67671/2692324>